4. Смысл первого Московского процесса

Всю следующую после пленума неделю передовицы «Правды» были посвящены разъяснению новых задач. Критика кадровых работников отошла на второй план, отныне «под обстрел» попали троцкисты и зиновьевцы. 11 июня «Правда» напомнила о существовании троцкистско-зиновьевских групп и по-прежнему продолжающихся контрреволюционных происках недобитого врага.

В такой обстановке готовился первый из известных открытых Московских процессов. Возглавляемый Ягодой НКВД получил задание пересмотреть дело об убийстве Кирова и подготовить открытый процесс, объявив о причастности к делу бывших оппозиционеров. Весь комплекс обвинений строился на факте эфемерного существования в 1932 г. «блока оппозиций». Контакты сына Троцкого Л.Седова с некоторыми бывшими троцкистами и зиновьевцами преподносились как широко разветвленный, законспирированный террористический троцкистско-зиновьевский центр. Для этого были привлечены показания осведомителей (Ольберга, Фриц-Давида, М. и Н.Лурье), которые в соответствии с полученными инструкциями заявили, что состояли в контактах не только с членами блока, но и с Троцким, от которого якобы получили задание убить Кирова, Сталина и других партийных деятелей. Оставалось найти главных обвиняемых и добиться от них признания вины. «Козлами отпущения» были выбраны члены зиновьевской группы — сам Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев, уже осужденные в январе 1935 г. за свое «нравственное пособничество» убийству Кирова. Из троцкистов, кроме Смирнова, были выбраны деятели менее крупного масштаба (Мрачковский, Тер-Ваганян, Дрейтцер и др.). Понадобилось несколько недель жестоких допросов, чередование физического и морального давления и обещаний сохранить жизнь, чтобы вырвать у них полное признание.

29 июля, за три недели до начала процесса, Секретариат ЦК разослал всем партийным организациям секретный циркуляр, призывавший проявить «большевистскую бдительность» и бороться с деятельностью «контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока». Умение всегда распознать врага партии, как бы ловко тот ни маскировался, признавалось основным качеством большевика. 19 августа после соответствующей подготовки общественного мнения прессой процесс открылся. За три дня заседаний все 16 обвиняемых, подобранных в соответствии с давно известным принципом амальгамы (ветераны старой большевистской гвардии находились в камерах вместе с провокаторами из НКВД), подтвердили свои признания, составлявшие единственную основу для обвинения. Они даже внесли генеральному прокурору Вышинскому некоторые дополнения и уточнения. Все признались не только в своих идеологических убеждениях, но — вопреки всякому правдоподобию — и в связях с Троцким, находящимся за границей, в участии в убийстве Кирова, в заговоре против Сталина и прочих руководителей. Они дали показания на других оппозиционеров — Томского, Бухарина, Рыкова, Радека, Пятакова, Сокольникова, Серебрякова, — что те также вовлечены в контрреволюционную деятельность. 24 августа всем обвиняемым был вынесен смертный приговор, незамедлительно приведенный в исполнение. 26 августа Томский покончил жизнь самоубийством.

Хорошо разыгранный процесс-спектакль дал повод для необычайной идеологической мобилизации, которая должна была ярко продемонстрировать нерасторжимое единство народа со своим вождем. На бесконечных митингах и собраниях принимались многочисленные резолюции, превозносившие Сталина и клеймившие позором «бешеных собак» и «троцкистскую гадину». События должным образом освещались прессой. Этот шумный политический процесс (так же как и те, которые последуют за ним) представлял собой замечательный механизм социальной профилактики. Он подтверждал существование заговора — отправного момента в формировании официальной идеологии. Он содействовал зарождению у народа чувства мифической причастности к управлению государством и ощущения близости к своему вождю.

Однако результаты процесса не для всех оказались бесспорно однозначными. В течение нескольких недель после его окончания некоторые посвященные сомневались, каков будет его окончательный итог.

НКВД в лице Ягоды попытался ограничить политические последствия процесса. Он свел преступную деятельность «банды убийц», никак не связанных с партийными

кадрами, к простому терроризму. Предательство раскрыто, процесс состоялся, виновные наказаны, враг в лице незначительной троцкистско-зиновьевской группы выявлен, а значит, дело не требует дальнейшего развития. Ежов же, напротив, стремился расширить круг обвиняемых, разоблачая их, «как бы хорошо они ни замаскировались», и ударить по партийным и народнохозяйственным кадрам, заподозренным в создании препятствий выполнению директив центра. Сталин разрешил спорный вопрос в пользу Ежова.